

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-49-71

Н.Э. Адамова

**ОБРАЗЫ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА
В БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТАХ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО
КРИЗИСА 1870-х гг.**

N.E. Adamova

**PERCEPTION OF RUSSIAN PANSLAVISM
IN THE BRITISH PARLIAMENTARY DEBATES
IN THE BEGINNING OF THE EASTERN
CRISIS OF THE 1870s**

Аннотация. Во время Восточного кризиса 1870-х гг. британские политические элиты с особым вниманием следили за высказывавшимися в России идеями панславизма, часто воспринимая их как угрозу экспансии Российской империи на Балканский полуостров. Однако в самом начале Восточного кризиса в британском парламенте российский панславизм оценивался нейтрально или даже позитивно, что оказало значительное влияние на отношения Великобритании и России. Этот значимый эпизод, тем не менее, до сих пор практически не рассматривался в научной литературе. В данной статье на основе материалов парламентских дебатов прослежена трансформация образов российского панславизма в британском политическом дискурсе в 1876 г. и проанализированы механизмы их конструи-

Адамова Нина Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Adamova Nina Eduardovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University

n.adamova@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-1815-8530

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века»).

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00090 “Image of Russian Panslavism in Western Europe in the Last Third of the Nineteenth Century”).

рования. Выделено три модели интерпретации «славянских интересов» России: панславизм как «славянские симпатии» российского населения, как «территориальные амбиции» великой державы и как «интриги», подстрекательство балканских народов к мятежу против Османской империи. Летом 1876 г. наибольший вес в британском политическом дискурсе получила интерпретация панславизма как искренних симпатий российского общества к братьям-славянам. Эта интерпретация способствовала формированию более позитивного образа России и даже временному изменению протурецкой политики британского правительства. Однако к концу 1876 г. британские политики все чаще стали подозревать российское правительство в «подрывном панславизме». На формирование образов российского панславизма в политическом дискурсе Великобритании влияли не только ее традиционные внешнеполитические установки, но и внутривнутриполитическая борьба, обострившаяся во время «агитации за болгар». Панславизм трактовался неоднозначно и из-за недостатка информации, в силу чего политики зачастую основывали свои суждения на стереотипах в отношении России, Османской империи и балканских народов. Наконец, мнение парламентариев складывалось и под влиянием переосмысления собственной британской идентичности. Британские политики заново обращались к актуальным для самой Британии вопросам отношения к суверенитету империй, восстаниям колонизированных народов, моральной ответственности и международной миссии Великобритании.

Ключевые слова: Восточный вопрос, балканские славяне, образ России, У. Гладстон, Б. Дизраэли, англо-русские отношения, российский панславизм.

Abstract. During the Eastern Crisis of the 1870s, the British political elites followed with particular attention the Panslavic ideas expressed in Russia and often perceived them as a threat of the Russian Empire's expansion into the Balkan Peninsula. However, at the very beginning of the Eastern Crisis, the British Parliament's attitude to the Russian Panslavism was neutral or even positive and it had a considerable impact on British-Russian relations. Britain's perception of Russian Panslavism during this short but significant period has not been researched yet. This article uses the materials of parliamentary debates to trace the transformation of images of Russian Panslavism in the British political discourse in 1876 and to analyze the mechanisms of their construction. The author identifies three models of interpretation of Russia's "Slavic interests", first, as "Slavic sympathies" of the Russian population, second, as Russia's "territorial ambitions", and third, as "Russian intrigues", which allegedly instigated Slav uprisings against the Ottoman Empire. In the summer of 1876, the interpretation of Panslavism as sincere sympathies of Russian society for its Slavic brothers received the greatest weight in the British political discourse. This interpretation contributed to the formation of a more positive image of Russia and even a temporary change in the pro-Turkish policy of the British government. However, by the late 1876, British politicians increasingly began to suspect the Russian government of "subversive Panslavism". The formation of images of Russian Panslavism in the political discourse of Great Britain was influenced not only the traditional patterns of British

foreign policy, but also by the internal political struggle that escalated during the “Bulgarian agitation”. Panslavism was also interpreted ambiguously due to the lack of information, so politicians often based their judgments on stereotypes about Russia, the Ottoman Empire and the Balkan peoples. Finally, parliamentarians’ views were also affected by a rethinking of their own British identity. British politicians revisited issues of relevance to Britain’s own attitudes to the sovereignty of empires, the uprisings of colonized peoples, moral responsibility and Britain’s international mission.

Keywords: Eastern question, Balkan Slavs, image of Russia, W. Gladstone, B. Disraeli, Anglo-Russian relations, Russian Panslavism.

* * *

В период Восточного кризиса 1870-х гг. в российском политическом и общественном дискурсе значительное место занимали обсуждения роли России в судьбе славянских народов Балканского полуострова. Эти обсуждения, тем не менее, никогда не были отражением цельной системы взглядов: «славянская взаимность» или «российский панславизм»¹ включали в себя часто противоположные нарративы, которые варьировались от консервативных экспансионистских проектов до либеральных и анархических программ². Заинтересованные в Восточном вопросе державы с тревогой следили за высказывавшимися идеями и часто видели в них угрозу своим политическим интересам или даже национальной безопасности³. В результате складывавшиеся в европейских странах представления о российском панславизме играли существенную роль в том, как великие державы воспринимали намерения России и как относились к ней во время Восточного кризиса.

Великобритания, традиционный оппонент России в Восточном вопросе, не была исключением в настороженном отношении к российскому панславизму. Так, например, еще в феврале 1875 г., в атмосфере начинавшейся в Европе «военной тревоги» в парламенте

¹ Как среди современников Восточного кризиса, так и среди историков не установилось общепринятого обозначения и классификации «прославянских» идей в российском обществе. В данной статье, исследующей британское восприятие этих идей, используется термин «российский панславизм». О термине «панславизм» см.: Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3-15; Роккина Г.Р. Из истории трактовки термина «панславизм» в работах отечественных и зарубежных авторов XIX века // Запад-Восток. Научно-практический ежегодник. 2010. № 3. С. 92-102; Григорьева А.А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX — начало XX века). Иркутск, 2013. С. 37-47; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 4-6.

² Григорьева А.А. Указ. соч. С. 158; Heraclides A., Dialla A. Humanitarian intervention in the long nineteenth century: Setting the precedent. Manchester, 2015. P. 180.

³ Павленко О.В. Указ. соч. С. 6-7.

говорили об общеизвестном «панславистском заговоре», который якобы заключался в том, чтобы «объединить всю славянскую расу в одну большую империю под руководством и управлением России»⁴. Этот «заговор» парламентарии называли одной из угроз для общего мира наравне с взаимной враждой Франции и Германии⁵. Вместе с тем, как будет продемонстрировано в данной статье, на начальном этапе Восточного кризиса у британских политических элит не было единого мнения о российском панславизме. Более того, летом 1876 г. в британском парламенте панславизм даже обрел позитивные коннотации, прежде чем к началу русско-турецкой войны снова превратиться в «угрозу».

Трансформации образа российского панславизма в британском политическом дискурсе 1876 г. и рассматриваются в данной статье. В то время как вопросы восприятия Британией разных участников Восточного кризиса⁶ — южных славян⁷, Османской империи⁸, и наконец, России⁹ — неоднократно освещались исследователями, такой важный элемент образа России в Британии, как идеи панславизма, специально не рассматривался. Какие интерпретации и оценки панславизма преобладали в парламенте? Как конструировались образы панславизма и почему парламентарии склонялись к той или иной точке зрения? Какое влияние в итоге оказывали сложившиеся образы российского панславизма на отношение к России и на принимаемые политические решения? Для ответа на эти вопросы в статье анализируются высказывания британских парламентариев о российском интересе к балканским славянам: с весны 1876 г., когда кризис обострился в связи с восстанием в Болгарии, и до окончания

⁴ Высказывание принадлежит консервативному политику Маркусу Бересфорду. Hansard Parliamentary Debates. 3rd Ser. (HPD). House of Commons. 08.02.1875. Vol. 222. Col. 87.

⁵ Ibid.

⁶ *Seton-Watson R.W.* Disraeli, Gladstone, and the Eastern question: a study in diplomacy and party politics. London; New York, 1971; *Shannon R.T.* Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876. Hassocks, Eng.; Hamden, 1975.

⁷ *Whitehead C.* The Bulgarian Horrors: culture and the international history of the Great Eastern Crisis, 1876–1878. PhD Diss. Vancouver, 2014; *Todorova M.N.* Imagining the Balkans. New York, 2009; *Goldsworthy V.* Inventing Ruritania: the imperialism of the imagination. New Haven, 1998.

⁸ *Çiçek N.* The Turkish Response to Bulgarian Horrors: A Study in English Turcophobia // Middle Eastern Studies. 2006. Vol. 42. N 1. P. 87–102.

⁹ *Гелла Т.Н.* Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России / Под ред. Т.Л. Лабутиной. СПб., 2020. С. 256–274; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX — начало XX в. Очерки. Архангельск, 1994.

парламентской сессии осенью того же года, когда в Великобритании в полную силу развернулось общественное движение «агитации за болгар».

Обсуждение Восточного вопроса в парламенте накануне «агитации за болгар»

В британском парламенте обсуждения российских представлений о панславизме широко развернулись весной–летом 1876 г. В первую очередь, причиной интереса к панславизму стали быстро развивавшиеся события на Балканском полуострове и реакция на них великих держав. После болгарского восстания, в мае 1876 г. Россия, Австро-Венгрия и Германия опубликовали «Берлинский меморандум» с требованиями к Османской империи объявить перемирие и возместить ущерб пострадавшим при подавлении этого восстания. Британия отказалась присоединяться к выступлению трех императоров, вместо этого ее правительство во главе с премьер-министром Бенджамин Дизраэли отправило флот в Безикскую бухту. Ситуация накалилась еще больше, когда в конце июня Сербия и Черногория объявили Османской империи войну¹⁰.

Обсуждение панславистских идей летом 1876 г. было вызвано и настроениями в самой России, слухи о которых доходили до британских парламентариев. Действительно, под влиянием балканских событий весны–лета 1876 г. в России идеи панславизма разного толка впервые получили большую общественную поддержку¹¹. Она выражалась как в расширившейся деятельности Славянских комитетов, увеличившихся пожертвованиях в поддержку «славянских братьев», так и в отправке добровольцев на войну в помощь Сербии¹². Громче стали звучать и ранее высказывавшиеся экспансионистские идеи панславистов об общем «славяно-русском деле», «внутреннем» интересе русского народа «свергнуть турецкое владычество в Европе»¹³. Эти взгляды разделяли и некоторые дипломаты (например, российский посол в Османской империи генерал Н.П. Игнатъев), однако император Александр II и канцлер князь А.М. Горчаков их не под-

¹⁰ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone, and the Eastern question. P. 32–38; История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / Под ред. В.Н. Виноградова. М., 2013. С. 166.*

¹¹ *Григорьева А.А. Указ. соч. С. 158.*

¹² *Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 302–311.*

¹³ Из работы «Восточный вопрос» председателя Петербургского Славянского благотворительного комитета, князя А.И. Васильчикова лета 1876 г. Цит. по: *Прокудин Б.А. Идея Славянского единства в политической мысли России XIX века (генезис, основные направления и этапы развития). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 132–133.*

держивали и даже старались приглушить наиболее радикальных панславистов¹⁴. Соблюдая политику нейтралитета и союзные обязательства с Австро-Венгрией и Германией, Россия придерживалась тактики совместных действий с другими великими державами, предусмотренных Парижским миром 1856 г., Союзом трех императоров и Берлинским меморандумом 1876 г.¹⁵

В британском парламенте события в Османской империи обсуждались на многих заседаниях, но поводом к дебатам стали взбудоражившие общественность сообщения о «зверствах мусульман в Болгарии», опубликованные 23 и 26 июня либеральной газетой “Daily News”¹⁶. Долгие дебаты по Восточному вопросу прошли 26 июня в Палате лордов, 31 июля и 11 августа в обеих палатах перед тем, как парламент распустился до февраля 1877 г. Обсуждения вращались вокруг следующих вопросов: как относиться к болгарскому восстанию и его жестокому подавлению османскими силами? Как сохранить позиции Великобритании в регионе? Как взаимодействовать с другими великими державами — с Россией и Австро-Венгрией, присоединяться ли к их планам урегулирования? Как в текущих условиях поступать со своим традиционным союзником в регионе — Турцией?

Либералы и часть консерваторов полагали, что необходимо публично осудить действия Османской империи и коллективным решением великих держав обязать Турцию изменить положение славян: предложения варьировались от проведения реформ до предоставления автономии восставшим провинциям. Правительство и поддерживавшая его решения группа консерваторов в ответ ссылались на положения Парижского мирного договора 1856 г. о целостности Османской империи, настаивали на том, что для Великобритании крайне значимы союзные отношения с Портой, и отстаивали необходимость придерживаться политики, независимой от других великих держав. Кроме того, консерваторы часто намекали, что само болгарское восстание было инспирировано извне, а информация о жестокостях в его подавлении была сильно преувеличена, в том числе, русскими источниками¹⁷.

¹⁴ Например, правительство пыталось препятствовать отъезду в Сербию для помощи сербской армии генерала М.Г. Черняева, редактора журнала «Русский мир». Черняев все же уехал в апреле 1876 г. по поддельным документам (см.: *Никитин С.А.* Указ. соч. С. 292–293; *MacKenzie D.* Panslavism in Practice: Cherniaev in Serbia (1876) // *The Journal of Modern History.* 1964. Vol. 36. N 3. P. 281–282).

¹⁵ *Heraclides A., Dialla A.* OP. cit. P. 176.

¹⁶ *Moslem Atrocities in Bulgaria* // *The Daily News.* 1876. June 23. P. 5–6. Об освещении прессы событий в Болгарии см.: *Whitehead C.* *The Bulgarian Horrors...* P. 124–139.

¹⁷ Например, мнение посла в Константинополе Г. Эллиота: *HPD. House of Commons.* 17.07.1876. Vol. 230. Col. 1486–1495.

В течение июня–июля 1876 г., по мере появления все более пугающих газетных публикаций о «турецких зверствах» в Болгарии, дискуссии в парламенте становились более напряженными. Часть сведений из газет подтверждалась собственными агентами британского правительства, а в стране стало стремительно расти общественное движение в поддержку балканских христиан¹⁸. К августу парламентарии уже предлагали отозвать из Константинополя протурецки настроенного посла Генри Эллиота и поднимали вопросы о компетентности министра иностранных дел графа Дерби и самого премьер-министра Бенджамина Дизраэли. Осенью общественное движение «агитации за болгар», к которому присоединился и бывший премьер Уильям Гладстон¹⁹, достигло своего пика, в конце концов поспособствовав проведению «Национального съезда по Восточному вопросу» в Сент-Джеймс Холле и участию Великобритании в конференции в Константинополе в декабре 1876 — январе 1877 гг.²⁰

Образы российского панславизма

В обсуждениях Восточного вопроса и болгарского восстания неизменно поднималась тема намерений России в отношении балканских славян. Непосредственно термин «панславизм» в дебатах лета 1876 г. парламентарии не использовали (хотя в памфлетах и газетах этого времени он регулярно встречался), но постоянно ссылались на «славянские комитеты», «славянские симпатии», «славянское дело», «идею славянского государства». Вне зависимости от партии, британским парламентариям было очевидно, что Россия заинтересована в славянских народах Балкан и воспользуется возможностью усилить свои позиции. А дальше мнения и оценки действий России разнились.

Проанализировав летние дебаты 1876 г., мы можем сформулировать несколько базовых образов российского панславизма, звучавших в выступлениях британских парламентариев. Во-первых, панславизм предстал как **территориальные «амбиции»** правительства или даже всего народа России, нацеленные на возвращение позиций, утраченных после Крымской войны. Во-вторых, панславизм воспринимался как естественные **«славянские симпатии»**

¹⁸ Shannon R. T. Op. cit. P. 42–48. О роли общественного движения в поддержку болгар на всех уровнях английского общества см.: Whitehead C. The Bulgarian Horrors... P. 166–186.

¹⁹ В начале сентября Гладстон опубликовал резонансный памфлет «Ужасы в Болгарии»: Gladstone W.E. Bulgarian Horrors and the Question of the East. London, 1876.

²⁰ Seton-Watson R. W. Op. cit. P. 110–115; Shannon R. T. Op. cit. P. 258–262.

общества России к балканским народам. И, в-третьих, в действиях России видели панславистский **заговор, или «интригу»**, направленную на намеренное разжигание восстаний и сербской войны (инспирированную либо отдельными панславистами, либо правительством России)²¹. Каждый из этих образов подразумевал под собой систему оценок действий России, интерпретаций ее образа и соответственно, предлагаемых действий Великобритании в отношениях с ней. Более того, обсуждение панславизма в разных интерпретациях поднимало для парламентариев вопросы о сущности политики самой Великобритании в Восточном вопросе, о ее образе на международной арене и ее собственной идентичности.

«Славянские симпатии» или общественный панславизм

Из трех вышеописанных интерпретационных моделей чаще всего позицию России летом 1876 г. парламентарии обеих партий объясняли **«славянскими симпатиями»** ее населения. «Все знают..., что население России испытывает глубокую симпатию к делу сербских повстанцев...», — говорил министр иностранных дел граф Дерби в начале июля 1876 г. в ответ на вопрос о русских добровольцах, служащих в сербской армии. Он добавлял, что «...у меня нет никаких оснований полагать, что они это делают с одобрения, и менее того — по распоряжению русского правительства»²². Уильям Гладстон комментировал деятельность «русских комитетов» по поддержке восстаний как «полноценное отражение общественного мнения» и настаивал, что такую «сильную, непреодолимую народную симпатию, проникающую повсюду», необходимо отличать от интриг и происков государств²³. Консервативный политик Уильям Форсайт так же горячо настаивал на том, что «нет ни малейшего сомнения, что славянское население России и Австрии испытывает глубокую симпатию к повстанцам, и я сомневаюсь, что возможно доказать, что это расположение было вызвано происками российских или австрийских интриг»²⁴. Уже в августе некоторые парламентарии с тревогой предполагали, что русский народ, «не в силах более сдерживать свое

²¹ Как будет продемонстрировано ниже, для парламентариев обвинение государства в «интригах» по разжиганию восстания радикально отличалось от рассуждений о «территориальных амбициях»: «козни и происки» характеризовались как незаконные и аморальные действия, в то время как «амбиции» трактовались как политические задачи.

²² HPD. House of Lords. 03.07.1876. Vol. 230. Col. 824.

²³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 193.

²⁴ Ibid. Col. 149.

сочувствие, бросится на Турцию»²⁵, что славяне России и Австрии «свяжут руки своим правительствам, которые будут вынуждены вступить в войну на стороне Сербии»²⁶.

Сам тезис о довлеющем над российским правительством общественном мнении формировал необычный для Британии второй половины XIX в. свежий положительный дискурс о России. Необходимость российского правительства ориентироваться на мнение населения означала понятные парламентариям политические реалии — тем более знакомые, что в самой Великобритании к августу 1876 г. общественное мнение уже грозило поменять политику правительства Дизраэли. Поэтому парламентарии укладывали информацию о «симпатиях» населения России в привычные объяснительные модели. Так, например, еще в июне граф Э. Дерби в ответ на намеки коллег по Палате лордов о том, что Россия намеренно подталкивала Сербию к войне, отмечал, что «даже в тех странах, где нет парламентской формы правления, общественное мнение все же является силой, которую необходимо принимать в расчет»²⁷. Другой консервативный политик Генри Драммонд Вольф отмечал, что «русское правительство было подвержено воздействию такого сильного общественного мнения, как и любое другое европейское правительство»²⁸. Таким образом, Россия в этом дискурсе превращалась из привычной для Великобритании деспотии в страну, политически более близкую к «европейской» державе.

Симпатии населения России к жителям балканских провинций большинство парламентариев воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Сочувствие представителям своей расы, своего этноса, своей конфессии укладывалось в устоявшиеся во второй половине XIX в. концепции национальности, особенно распространенные в викторианской Англии²⁹. Такая «этническая» мотивация была во многом комплементарной для образа России, так как подчеркивала искренность ее намерений в отношении славянских братьев: «симпатии, вызванные общностью расы и религии, всегда заслуживают уважения»³⁰. В то же время идея такого естественного панславиз-

²⁵ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1122.

²⁶ Ibid. Col. 1096.

²⁷ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol.230. Col. 415–416.

²⁸ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 152.

²⁹ *Beasley E. Making Races // Victorian Review. 2014. Vol. 40. N 1. P. 48–52.*

³⁰ Этими словами либеральный политик Томас Брасси в 1877 г. критиковал российское правительство, утверждая, что оно в реальности как раз не руководствовалось такими заслуживающими уважения симпатиями (*Brassey T. The Eastern question and the political situation at home. London, 1877. P. 1.*)

ма подсвечивала и «инаковость» славянской России, близкой к тем «полувосточным» народам Балкан, о которых в Великобритании в 1870-е гг. впервые начали узнавать³¹.

Конечно, не стоит преувеличивать положительную оценку «общественного панславизма». В подавляющем большинстве случаев парламентарии использовали эту аргументацию ради собственной политической цели: «честная» игра России позволяла Великобритании участвовать в международном урегулировании, на котором настаивали эти политики. Кроме того, уверенность в искренней любви населения России к славянским братьям не предполагала такой же уверенности в том, что балканские славяне отвечают ей взаимностью. Либеральные парламентарии либо вообще не заостряли внимание на взаимности, либо отмечали, что славянские народы просто благодарны России за помощь, не поддаваясь ее влиянию³². Поддерживавшие политику Дизраэли консервативные политики тем более уверяли, что сами южные славяне являются по сути разными народами по религии, языку и культуре и негативно относятся к российскому продвижению на Балканский полуостров³³.

«Территориальные амбиции» или политический панславизм

Другая интерпретационная модель объясняла «славянский интерес» России ее «территориальными амбициями» в отношении земель балканских славян. Лорд Фрэнсис Нэпир, в 1860-х гг. бывший послом в России, так характеризовал ее намерения, стоящие за заключением соглашений без участия Турции и Великобритании³⁴: «...русское правительство имело целью ликвидировать моральные и материальные последствия Крымской войны, а затем расширить свои интересы во владениях султана среди славянских народов, на которых российское правительство основывает свои планы»³⁵. Такая «внешнеполитическая» трактовка панславистских идей во многом сливалась с оценкой курса Российской империи в Восточном вопросе.

О «территориальных амбициях» России говорили как консерваторы, так и либералы, в том числе и те из них, кто был уверен в том, что российское правительство действует под давлением «обществен-

³¹ *Todorova M.N.* Op. cit. P. 89–98.

³² HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1090.

³³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 144, 145.

³⁴ Имеются в виду «Нота Андраши» и Берлинский меморандум.

³⁵ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 405.

ного панславизма». И те, и другие полагали, что Великобритании необходимо «переиграть» Россию, подчинив своему влиянию балканский регион, и никто из них не одобрял идею продвижения России к Босфору. Разница в представлениях парламентариев заключалась в том, каким способом они полагали усилить влияние Британии на Балканах. Сторонники политики Дизраэли, опасавшиеся, что Россия планирует не только захватить Константинополь, но продвинуться к Индии, выступали за сотрудничество с Турцией и содействие проведению реформ в славянских провинциях³⁶. Либералы и часть консерваторов, напротив, были уверены, что автономные княжества создадут более надежное препятствие для продвижения России на Балканах, чем союзная, но угнетающая свои народы Османская империя³⁷. В этом контексте позиция либеральных политиков отличалась от близких им консерваторов тем, что либералы выступали за сотрудничество с Россией в международном урегулировании. Они полагали, что раз Россия подталкивается своим общественным мнением (а симпатии народа играют роль, «вне зависимости от всяческих проектов территориального расширения»³⁸), значит с ней можно и нужно сотрудничать для предоставления автономии провинциям.

Тем не менее, парламентарии говорили о территориальных панславистских «амбициях» России в нейтральных терминах: не звучало морального осуждения, нарочито негативных оценок. Россия в этих обсуждениях представала как политический соперник с естественными, понятными интересами в регионе, как участник европейского концерта³⁹. Нейтральное отношение парламентариев особенно очевидно, если сравнить их высказывания об амбициях России и Сербии: в отличие от российских, сербские или черногорские «амбиции» консерваторы характеризовали как «похотливое желание территорий»⁴⁰. Разное отношение к политическим «амбициям» за-

³⁶ Например, выступление Томаса Брюса: HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 138.

³⁷ Представитель тори Роберт Хэнбери говорил, что «с нетерпением ждет того момента, когда славянское население войдет в политическую жизнь Европы и будет играть роль могучего бастиона против России на юге». HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 145.

³⁸ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231 Col. 1137.

³⁹ Тем не менее, как отмечает И. Нойманн, даже в стратегическом дискурсе в XIX в. Россия была «относительно» включена в европейский концерт, она продолжала восприниматься как держава, стремящаяся к гегемонии извне Европы, как «варвар у ворот» (см.: *Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы востока в формировании европейских идентичностей.* М., 2004. С. 127–128).

⁴⁰ HPD. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 142.

висело от того, следовала ли держава общепризнанным правилам внешнеполитической игры. Россия, как предполагалось в этой интерпретационной модели, им следовала, а Сербия и Черногория — как формально вассалы Османской империи и как не относящиеся к великим державам страны — эти правила нарушали.

«Интриги и происки» или подрывной панславизм

Наконец, существовала еще одна интерпретационная модель действий России по отношению к славянскому вопросу: панславизм как «интрига», «подрывная» деятельность на Балканах. Согласно этой точке зрения, Россия (или спонсируемые ею комитеты) намеренно разжигала восстания среди славянских подданных Османской империи, или, в другой интерпретации, — подталкивала Сербию и Черногорию к войне.

Подозрения России в «подрывном панславизме» летом 1876 г. иногда высказывались в британской прессе⁴¹, но в парламенте о них говорили крайне редко и только намеками. «Боюсь, что есть слишком много оснований предполагать, что Сербию наталкивали на ее нынешнее воинственное поведение извне», — высказывался лорд Хэммонд накануне объявления Сербией войны, считая, что на самом деле Сербию полностью устраивает ее положение в рамках Османской империи⁴². Другие парламентарии интересовались, по собственной ли инициативе русские офицеры, в частности генерал М.Г. Черняев, поехали воевать в Сербию⁴³. Если парламентарии и говорили о «подрывной» деятельности, то обвиняли в ней не само правительство России, а власти Сербии и Черногории, славянские комитеты или отдельных панславистов. Так, Дизраэли заявлял, что в организации балканских восстаний замешаны «тайные общества и революционные комитеты»⁴⁴. Либеральные политики полагали, что если и были подстрекательства к восстанию, то они исходили «от частных лиц в России или даже от чиновников правительства», но сам император был «величайшим другом мира»⁴⁵, поэтому нет оснований подозревать в интригах российские власти. Под

⁴¹ Например, Уильям Форсайт отмечал: «Некоторые печатные органы и люди заявляют, что восстание произошло из-за иностранного влияния и иностранной интриги, но я отрицаю, что это так». HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 147.

⁴² HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 402.

⁴³ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 136.

⁴⁴ Ibid. Col. 213.

⁴⁵ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1105.

«частными лицами» и «чиновниками» имели в виду как генерала М.Г. Черняева, так и генерала Р.А. Фадеева и посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, которых иногда называли представителями «панславистской партии»⁴⁶.

Подозрения России в «подрывном панславизме» воспринимались в Британии крайне негативно. В отличие от естественных «территориальных амбиций» великой державы, подстрекательство подданных другого государства к восстанию означало применение незаконных и аморальных методов достижения этих интересов. Уже гораздо позже рассматриваемого периода, вскоре после начала русско-турецкой войны, адвокат Эдвард Кинили будет говорить в парламенте, что если подтвердится правдивость турецких документов о том, что «христианское население Боснии, Герцеговины и Болгарии подняло восстание исключительно из-за подстрекательства проплаченных Россией панславистских комитетов», то Россия «станет одним из величайших преступников, когда-либо разжигавших несправедливую войну»⁴⁷. Обвинения в «подрывном панславизме» также означали бы, что Россия не является легитимным партнером, с которым можно было бы сотрудничать: она несет моральную ответственность за многочисленные жертвы болгарского восстания. Это было тем более важно, что свое участие в конфликте британский парламент и британская общественность связывали в равной степени не только с британскими интересами в регионе, но и с моральными обязательствами Великобритании перед человечеством нести мир и справедливость.

Однако обвинения российского правительства в «подрывном панславизме» будут звучать в полную силу позже: начиная с памфлетной кампании против «агитации за болгар» осенью 1876 г. и еще позже, в 1877–1878 гг. Летом же 1876 г. и либералы, и консерваторы чаще всего опровергали причастность России к подстрекательству восстаний. Интерес России объясняли силой российского общественного мнения, территориальными амбициями, а сами восстания — репрессивной политикой османского правительства, в крайнем случае — интригами Сербии и Черногории. Некоторые, как Уильям Гладстон, утверждали, что даже если и были «иностранные интриги», то они просто способствовали неизбежному⁴⁸.

⁴⁶ Например, генерала Р.А. Фадеева называли одним из руководителей «панславистской партии». HPD. House of Commons. 14.02.1876. Vol. 227. Col. 266; 28.02.1876. Vol. 227. Col. 1022.

⁴⁷ HPD. House of Commons. 11.05.1877. Vol. 234. Col. 824.

⁴⁸ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 193.

Конструирование моделей панславизма

Таким образом, мы видим, как летом 1876 г. мнения британских парламентариев о характере российского интереса к славянским народам разделились. Это разделение свидетельствует не только о меняющемся отношении британской политической элиты к России. Образы панславизма в представлении парламента были своеобразной конструкцией, основанной как на объективных политических реалиях и политических интересах, так и на частично ориенталистских стереотипах, которые помогли выстраивать собственную британскую идентичность на противопоставлении «Другому» — России, Балканам, Османской империи.

В первую очередь восприятие славянской политики России было сформировано традиционными геополитическими интересами Великобритании и привычными паттернами внешней политики в Восточном вопросе. В 1876 г., несмотря на разные взгляды в отношении роли России в текущем кризисе, никто из парламентариев не отвергал решающие принципы этой политики, тем более, что расширение влияния России в Средней Азии, постоянно обсуждавшееся в парламенте, подкрепляло эту логику противостояния⁴⁹. Недаром как консерваторы, так и либералы приводили в защиту разных точек зрения высказывания одного и того же авторитета — лорда Пальмерстона — как ориентира для внешнеполитических действий.

Однако важным фактором было и политическое соперничество консервативного правительства Дизраэли и либеральной оппозиции, особенно усилившееся с возвращением в политику Уильяма Гладстона в конце июля 1876 г. Полемика либералов во многом строилась на желании скомпрометировать Дизраэли, выставляя напоказ его нежелание реагировать на сообщения о «зверствах» в Болгарии и тем самым еще больше возмутить общественность против правительства. Активная же деятельность самого Гладстона, как отмечают исследователи, в августе–сентябре 1876 г. в большой степени была продиктована не столько его желанием помочь славянам или поддержать радикальных нонконформистских сторонников «агитации за болгар», сколько противостоять Дизраэли⁵⁰. Таким образом, славянский вопрос приведет к концу 1876 г., по ироничному выражению В. Голдсворси, к «балканизации» британских партий, поскольку

⁴⁹ Например: HPD. House of Commons. 06.07.1875. Vol. 225. Col. 1035; *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P. 4–6.

⁵⁰ *Shannon R. T.* Op. cit. P. 12–13; *Whitehead C.* Reading Beside the Lines: Marginalia, W.E. Gladstone, and the International History of the Bulgarian Horrors // *The International History Review.* 2015. Vol. 37. N 4. P. 866.

ку часть либералов будут возмущены «радикализмом» Гладстона, а часть консерваторов — прагматичностью Дизраэли⁵¹.

Также значительным фактором для формирования в парламенте противоположных мнений о панславизме в России был характер поступавшей информации о происходившем на Балканах и в самой России. Летом 1876 г. британские политики были осведомлены об этом довольно плохо. Так, парламентарии регулярно упрекали правительство в том, что оно не предоставляет им актуальной информации и что новости парламент узнает из газет — как британских, так континентальных и даже российских⁵². Вторым основным источником информации для парламентариев стали травелоги британских путешественников по Балканскому полуострову, особенно публикации Джорджины Маккензи, Аделины Эрби и Артура Эванса⁵³. Последние фактически сконструировали в представлении британских читателей образ «угнетаемых мусульманами христианских славян»⁵⁴. Поверхностные знания парламентариев иллюстрирует, например, то, как Уильям Гладстон готовил свой знаменитый памфлет «Ужасы в Болгарии», так повлиявший на подъем общественного мнения в защиту славян. Как показал анализ читательских помет Гладстона и их сопоставление с его же списком прочитанных книг, во время подготовки памфлета он использовал только недавние газетные публикации и всего три травелога. Лишь во время и после «агитации за болгар», осенью 1876 г. Гладстон начал расширять круг своих источников⁵⁵.

К формированию положительного образа панславизма были причастны и российские патриоты в Англии. Одним из основных действующих лиц здесь была Ольга Алексеевна Новикова (Киреева)⁵⁶. Она так горячо отстаивала панславистские идеи и успешно продвигала позитивный образ России, что Дизраэли скептически назвал ее «депутатом от России» («The M.P. for Russia») — прозвище, которым друг и почитатель Новиковой, знаменитый редактор Уильям Стэд,

⁵¹ Goldsworthy V. Op. cit. P. 30.

⁵² Например, парламентарии интересовались, правдивы ли сообщения «Московских ведомостей» о том, что Великобритания поставляет оружие Турции. HPD. House of Commons. 27.06.1876. Vol. 230. Col. 500.

⁵³ Mackenzie G., Irby A. P. The Turks, the Greeks, and the Slavons: Travels in the Slavonic Provinces in Turkey-in-Europe. London, 1867; Evans A.J. Through Bosnia and the Herzegovina on Foot during the Insurrection, August and September 1875. London, 1876.

⁵⁴ Todorova M.N. Op. cit. P. 98.

⁵⁵ Whitehead C. Op. cit. P. 864–886.

⁵⁶ О.А. Новикова, тем не менее, не имела поддержки от российских властей и часто их критиковала. О ней см.: Третьякова С.Н. О.А. Новикова — «неофициальный посол» России в Англии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2010. № 4. С. 103–118.

впоследствии назовет ее биографию⁵⁷. О.А. Новикова держала в Лондоне салон, посетителями которого и ее друзьями были многие известные политики, в том числе Уильям Гладстон. Некоторые исследователи даже предполагают, что именно ее влияние было решающим в решении Гладстона возглавить «агитацию за болгар» осенью 1876 г. и выступить за сотрудничество с Россией⁵⁸.

Наконец, в условиях скудости доступной информации мнения парламентариев о российской славянской политике и о панславизме так или иначе определялись **стереотипами** о России.

Эти стереотипы в значительной степени диктовались традиционным в Великобритании XIX в. дискурсом русофобии, который подчеркивал дикость и варварство России⁵⁹. В соответствии с этим дискурсом и трактовался «подрывной панславизм». Те, кто обвинял Россию в намеренном разжигании антитурецкого восстания, неизменно ссылались на недавние случаи, когда Россия сама жестоко подавляла подчиненные ей народы, в частности, на насильственное переселение черкесов и подавление польского восстания 1863 г. Как писал британский поэт Альфред Остин в 1876 г., «неделя ужасов в Болгарии... — это пустяк по сравнению с веком ужасов в России и ужасов в Польше»⁶⁰. Уже после начала русско-турецкой войны консервативный политик Перси Уиндем убеждал парламент, что «Россия, красная от польской крови, — последняя страна в мире, которой стоило бы доверять судьбы слабых народов»⁶¹.

Дискурс русофобии и очерченный им образ «подрывного панславизма» также опирался на суждения о деспотичном политическом устройстве Российской империи. Деспотия означала, что общественное мнение, на которое ссылались сторонники сотрудничества с Россией в Восточном вопросе, на самом деле не может иметь никакого воздействия на российское правительство. В этом контексте авторитарность политического устройства в России превращала ее политику в осуждаемое, противоправное действие деспотичного агрессора, и традиционно делала ее «Другим», оттеняющим «цивилизованную» британскую политическую систему⁶².

⁵⁷ *Seton-Watson R. W.* Op. cit. P. 116.

⁵⁸ *Hillis F.* The 'Franco-Russian Marseillaise': International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. N 1. P. 44.

⁵⁹ О русофобии в Великобритании XIX в. см.: *Gleason J.H.* Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950; *Heraclides A., Dialla A.* Op. cit. P. 169–170.

⁶⁰ Цит. по: *Goldsworthy V.* Op. cit. P. 31.

⁶¹ HPD. House of Commons. 08.05.1877. Vol. 234. Col. 536.

⁶² *Нойманн И.Б.* Указ. соч. С. 132–133.

Из тезиса о деспотии естественным образом следовало, что российскому правительству нельзя доверять, в том числе и искренности его тревоги за славянское дело. Так, например, парламентарий Уильям Уитворт, опираясь на свой 18-летний опыт службы в России, в феврале 1877 г. утверждал, что «за исключением императора... все члены правительства были виртуозами по лжи». Он настаивал, что Турции можно больше доверять, чем России, и что все преимущества, которые Россия получила в Сербии, Боснии и Герцеговине, она получила с помощью «взяток и коррупции. И так всегда было с Россией». Он также подчеркивал, что ему очень нравился русский народ, и что Россия очень бы была полезна Англии, но только «если бы она оставила свои воинственные устремления»⁶³.

В то же время более позитивный образ панславизма как «славянских симпатий» России строился на попытках либеральных политиков как раз пересмотреть эти «русофобские» стереотипы. «Нам говорят, что ... всё, что Россия поддерживает, противоположно интересам Англии», — говорил либеральный парламентарий Уильям Форстер, однако он сильно сомневался, «что есть хоть какая-то почва для всей этой ревности к России»⁶⁴. Лорд Фитцморис также утверждал, что возражения британского правительства против планов автономии для балканских провинций во многом проистекают из «недостойного подозрения ко всему русскому, которое временами охватывает эту страну»⁶⁵. Здесь примечательна резкая эволюция отношения к России именно либеральных политиков, которые прежде, по словам Джеймса Брайса, видели в России «главного врага политического прогресса, воплощение политического зла», а теперь призывали «отучиться от привычки ... по умолчанию давать худшее объяснение любому слову или действию России»⁶⁶.

Подвергались некоторому переосмыслению и представления о деспотичности политического устройства в России. Хотя парламентарии и были единодушны в том, что в России существует авторитарное правление, но их представления расходились в зависимости от того, считали ли они возможным в такой стране давление

⁶³ HPD. House of Commons. 16.02.1877. Vol. 232. Col. 529–530. Слова Уитворта подогревались его давней обидой на российское правительство, интернировавшее его во время Крымской войны (*Dixon S. Allegiance and Betrayal: British Residents in Russia during the Crimean War // The Slavonic and East European Review. 2016. Vol. 94. N 3. P. 431–467*).

⁶⁴ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1104.

⁶⁵ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 166.

⁶⁶ *Bryce J. Russia and Turkey // The Fortnightly Review. 1876. Vol. 20. N 120. P. 793*. Об отношении либералов и консерваторов к России см.: *Нойманн И.Б. Указ. соч. С. 133–136*.

общественного мнения. Именно идея о «панславистских симпатиях общества», влияющих на правительство, сформировала позитивное восприятие России в этот период. Такое восприятие подкреплял и образ императора Александра II. Благодаря нынешнему императору, писал Брайс, «Россия 1876 г. — это не Россия 1849 г.»⁶⁷. Территориальные амбиции, ее воинственный настрой сдерживаются императором — «величайшим другом мира»⁶⁸, который руководствуется «умеренностью и мудростью»⁶⁹.

Тем не менее, не следует преувеличивать степень, до которой летом 1876 г. были переосмыслены негативные стереотипы восприятия России. Когда, например, либеральные политики доказывали, что нет смысла бояться России, они, тем не менее, позиционировали сотрудничество с Россией в защите восставших провинций как раз в качестве метода лишить ее преимущества на Балканах. То есть сотрудничество для них было способом бороться с тем самым влиянием России, которого они же предлагали не опасаться.

Наконец, на конструирование разных образов российского панславизма оказывало влияние и ориенталистское восприятие, в соответствии с которым «Другие» — Россия, Османская империя и балканские народы — воспринимались через призму собственной **британской идентичности**. Осмысление связи между Россией и славянскими народами подпитывалось представлениями о противоположности «Других» и Британии, а разногласия между парламентариями подсвечивали линии разных представлений о британской идентичности.

Парламентарии часто сопоставляли стереотипы о «Других» — России и Османской империи: в зависимости от позиции оратора, «дикость» одного из государств обеляла мотивы другого. Так, «дикость» Турции оправдывала вмешательство России и превращала ее интересы в уважаемые «славянские симпатии»⁷⁰. И наоборот, лживость российских политиков противопоставлялась стремящимся к Европе турецким союзникам Великобритании, тем самым характеризуя действия России как «подрывные интриги». В обоих случаях эти образы России и Османской империи как «Других» оттеняли представление о «цивилизованности» Британии. В консервативной позиции ее миссия заключалась в поддержании целостности импе-

⁶⁷ Bryce J. Op. cit. P. 793.

⁶⁸ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol. 231. Col. 1105.

⁶⁹ HPD. House of Lords. 26.06.1876. Vol. 230. Col. 406.

⁷⁰ О восприятии Османской империи во время Восточного кризиса см.: Çiçek N. Op. cit.

рий, политического порядка в Европе, в либеральной — в помощи угнетенным народам.

Вопрос отношения России к восставшим славянам Балкан в консервативной интерпретации затрагивал главным образом проблемы суверенитета и власти в империи. Консерваторы напоминали о легитимности и действий Османской империи, апеллируя к статьям Парижского договора 1856 г. Парламентариям, высказывавшим сочувствие восстанию балканских славян, консервативные политики припоминали, что Британия сама подавляла восстания зависимых народов — в Индии, на Ямайке и конечно в Ирландии⁷¹. С этой точки зрения, российский панславизм в любой своей интерпретации представлялся опасностью, а поддержка подобных устремлений Британией — ненужным для нее самой прецедентом. Уже напоминание о колониальных проблемах Великобритании ставило ее вровень с Османской империей, тоже имеющей сложности в отношениях с подчиненными народами. Поэтому в этом дискурсе становилось невозможным хоть сколько-нибудь положительное мнение о российском панславизме: он превращался из «симпатий» в территориальные амбиции, реализуемые незаконным путем.

В либеральной же трактовке акцент делался на том, что только Великобритания может «защитить свободу во всем мире»⁷², что ее международная миссия — блюсти справедливость⁷³. В этом контексте «агитация за болгар» была проявлением характерной для викторианской Англии традиции «морального протеста», и она даже выделялась из нее особым накалом страстей. Как отмечает в своем исследовании «агитации за болгар» Р.Т. Шэннон, мощь морального негодования ее сторонников исходила из «особого чувства вины и чувства соучастия, вызванных протурецкой политикой британского правительства»⁷⁴. В радикальном неконформистском ключе эту идею продвигал знаменитый редактор газеты “The Northern Echo” Уильям Стэд⁷⁵, который говорил, что ему было приказано свыше «поднять народ» в Англии на защиту угнетенных болгар⁷⁶.

В рамках этой интерпретации либеральные политики полагали, что «славянские симпатии» общественного мнения в России были легитимной причиной вмешаться в дела Османской империи. Более

⁷¹ Например, Дизраэли: HPD. House of Commons. 10.07.1876. Vol. 230. Col. 1181.

⁷² HPD. House of Commons. 08.02.1875. Vol. 222. Col. 88.

⁷³ HPD. House of Commons. 11.08.1876. Vol.231. Col. 1090.

⁷⁴ Shannon R. T. Op. cit. P. 13–14.

⁷⁵ Heraclides A., Dialla A. Op. cit. P. 183.

⁷⁶ Цит. по: Whitehead C. The Bulgarian Horrors ... P. 133–134.

того, Гладстон в своем памфлете «Ужасы в Болгарии» даже заявлял, что англичане «в долгу» у великих держав, и особенно у России, за то, что «они сыграли ту роль, которую мы считали нашей собственной задачей — бороться с тиранией, заботиться об угнетенных, трудиться на благо человечества». Гладстон даже призывал «следовать примеру России, приняв участие в ее добрых делах»⁷⁷. Таким образом, это чувство моральной ответственности формировало дискурс, в котором было невозможно сомневаться в праведности помощи балканским славянам и делало критику этой помощи затруднительной⁷⁸.

Тем не менее, дискурс «гуманитарной миссии» все равно не ставил Россию и Британию в равное положение: даже в наиболее лестных интерпретациях российский панславизм объяснялся не высоким моральным выбором России, а «расовыми» симпатиями ее населения — тоже уважаемыми, но отличными от высокой моральной миссии Великобритании. Российское же правительство даже многие симпатизирующие ему парламентарии не решались заподозрить в искренних гуманистических мотивах, отмечая, что Россия будет выдавать гуманизм за предлог к экспансии. «...Сила России исходит из угнетения славянских народов, и у нее всегда есть повод вмешаться в качестве борца за гуманизм...», — говорил Уильям Форсайт, в том же выступлении, впрочем, горячо опровергавший обвинения России в «интригах»⁷⁹.

* * *

Таким образом, разные интерпретации российского панславизма — «славянские симпатии», «территориальные амбиции» или «подрывной панславизм» — в большой степени определяли отношение британских парламентариев к намерениям и действиям России в Восточном кризисе в 1876 г. Например, популярная идея о том, что в России общество из «симпатий» к братьям-славянам искренне подвигает свое правительство на благую цель защищать угнетенных, или что она хотя бы честно «играет» в Восточном вопросе как остальные равные великие державы, стало весомым аргументом для сотрудничества с ней Великобритании в рамках Константинопольской конференции, вопреки мнению части правительства и премьер-министра.

⁷⁷ Gladstone W.E. Op. cit. P. 58.

⁷⁸ Характерно, что большая часть упреков правительству в августе 1876 г. заключалась в том, что его члены «недостаточно ужаснулись» жестокостям подавления восстания.

⁷⁹ HPD. House of Commons. 31.07.1876. Vol. 231. Col. 150.

Сложившиеся позитивные и нейтральные образы панславизма способствовали и тому, что весной, летом и осенью 1876 г. в Британии фактически улучшилось отношение к России. В либеральном дискурсе Россия из мрачной деспотии превращалась в страну, которая, несмотря на авторитаризм, реагировала на мнение своего общества, а благодаря своему миролюбивому и мудрому императору соблюдала международные договоренности. Таким образом, акцент на роли общественного мнения превращал Россию в страну не только с теми же настроениями, но и в некоторой степени — схожими с Британией механизмами политического поведения. Тем самым, в таком дискурсе Россия частично выводилась из категории неевропейского «Другого», в то время как недавний союзник Великобритании — Османская империя, напротив, представляла как антитеза цивилизованности.

Тем не менее, период позитивного восприятия образа России был недолгим. Уже с осени 1876 г. стали чаще высказываться предположения о «подрывном» характере российского панславизма. Все чаще звучало мнение, что балканские восстания намеренно инспирировались из России и что даже российское общественное движение специально подстегивалось правительством, чтобы отвлечь народ от внутренних проблем страны⁸⁰. Изменения образов панславизма были вызваны многими причинами — и провалом Константинопольской конференции в январе 1877 г., и поступлением информации, в том числе фальшивой, о роли панславистских обществ и славянских комитетов в балканских восстаниях⁸¹, и изменениями в самом политическом климате в Великобритании — расколом среди либералов после осенней «агитации за болгар». Дискурс о русских интригах и «подрывном панславизме», таким образом, возвращал негативное отношение к России, вновь ставил ее в положение «Другого», морально ответственного за развернувшийся кризис. Именно эта интерпретация будет превалировать в Британии в последующие годы конфликта на Балканах.

References

- Beasley E. *Making Races* // *Victorian Review*. 2014. Vol. 40. N 1. P. 48–52.
Çiçek N. *The Turkish Response to Bulgarian Horrors: A Study in English Turcophobia* // *Middle Eastern Studies*. 2006. Vol. 42. N 1. P. 87–102.
Dixon S. *Allegiance and Betrayal: British Residents in Russia during the Crimean War* // *The Slavonic and East European Review*. 2016. Vol. 94. N 3. P. 431–467.

⁸⁰ См., например: *Brassey T.* Op. cit. P. 1, 6.

⁸¹ Одна из самых знаменитых фальсификаций: *Russian intrigues: secret despatches of General Ignatieff and consular agents of the Great Panslavic Societies*. London, 1877.

D'yakov V.A. *Slavyanskiy vopros v obshchestvennoy zhizni dorevolyutsionnoy Rossii* [Slavic Question in the Public Life of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Nauka, 1993. 207 p.

Gella T.N. *Obraz Rossii v politicheskoy ritorike britanskikh parlamentariyev v period Vostochnogo krizisa 70-kh godov XIX veka* [The Image of Russia in the Political Rhetoric of British Parliamentarians during the Eastern Crisis of the 1870s] // "Svoi" i "Drugie": *vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii* ["One's Own" and "Others": Interaction and Perception of Cultures of the West and Russia] / Ed. by T.L. Labutina. Saint Petersburg: Aleteia, 2020. P. 256–274.

Geason J.H. *Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.

Goldsworthy V. *Inventing Ruritania: The Imperialism of the Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1998. 254 p.

Grigor'yeva A.A. *Panslavizm: ideologiya i politika (40-ye gody XIX — nachalo XX veka)* [Panslavism: Ideology and Politics (1840s — Early 20th Century)]. Irkutsk: Asprint, 2013. 200 p.

Heraclides A., Dialla A. *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century: Setting the Precedent*. Manchester: Manchester University Press, 2015. 253 p.

Hillis F. *The "Franco-Russian Marseillaise": International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France* // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. N 1. P. 39–78.

Istoriya Balkan. Sud'bonosnoye dvadtsatiletiye (1856–1878 gg.) [History of the Balkans. Fateful Twenty Years (1856–1878)] / Ed. by V.N. Vinogradov. Moscow: URSS KRASAND, 2013. 331 p.

MacKenzie D. *Panslavism in Practice: Cherniaev in Serbia (1876)* // *The Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36. N 3. P. 279–297.

Neumann I.B. *Ispol'zovaniye "Drugogo": obrazy Vostoka v formirovanii yevropeyskikh identichnostey* [Uses of the "Other": The East in European Identity Formation]. Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2004. 335 p.

Nikitin S.A. *Slavyanskiye komitety v Rossii v 1858–1876 godakh* [Slavic Committees in Russia in 1858–1876]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 361 p.

Pavlenko O.V. *Panslavizm i yego modeli* [Panslavism and Its Models] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2016. N 5. P. 3–15.

Prokudin B.A. *Ideya slavyanskogo yedinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka: genezis, osnovnyye napravleniya i etapy razvitiya: diss. ... kanidata politicheskikh nauk* [Idea of Slavic Unity in the Political Thought of Russia in the 19th Century: Genesis, Main Trends and Development Stages: PhD Candidate Diss. in Political Sciences]. Moscow: MGU, 2007. 180 p.

Rokina G.R. *Iz istorii traktovki termina "panslavizm" v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh avtorov XIX veka* [From the History of the Interpretation of the Term "Panslavism" in the Works of Russian and Foreign Authors of the 19th Century] // "Zapad–Vostok". *Nauchno-prakticheskiy yezhegodnik*. 2010. N 3. P. 92–102.

Seton-Watson R.W. *Disraeli, Gladstone, and the Eastern Question: A Study in Diplomacy and Party Politics*. London; New York: Routledge, 1971. 590 p.

Shannon R.T. *Gladstone and the Bulgarian Agitation 1876*. Hassocks, Eng.: Harvester Press Limited; Hamden, Conn.: Archon Books, 1975. 308 p.

Todorova M.N. *Imagining the Balkans*. New York: Oxford University Press, 2009. 273 p.

Tret'yakova S.N. O.A. Novikova — “neofitsial'nyy posol” Rossii v Anglii [O.A. Novikova, Russia's “unofficial ambassador” to England] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Series “Istoriya Rossii”. 2010. N 4. P. 103–118.

Whitehead C. *The Bulgarian Horrors: Culture and the International History of the Great Eastern Crisis, 1876–1878*: PhD Diss. Vancouver: University of British Columbia, 2014. 365 p.

Whitehead C. *Reading Beside the Lines: Marginalia, W.E. Gladstone, and the International History of the Bulgarian Horrors* // *The International History Review*. 2015. Vol. 37. N 4. P. 864–886.

Zashikhin A.N. “Glyadya iz Londona”: Rossiya v obshchestvennoy mysli Britanii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX v. [“Looking from London”: Russia in the Public Thought of Britain in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Pomorskogo mezhdunarodnogo pedagogicheskogo universiteta, 1994. 204 p.

Поступила в редакцию
6 марта 2023 г.